

Виктор Линник — к юбилею газеты «СЛОВО»

*В издательстве «Севастопольский
вымпел» вышла книга
«Диалог журналистских
поколений», в которой собраны
интервью
с журналистами, лауреатами
премий Союза журналистов
СССР (1967–1990).
Среди них — и эта беседа Антона*



*Цезарева
с главным редактором газеты «Слово» **Виктором Линником***

*Накануне юбилея — а газете исполнилось 20 лет — мы знакомим
читателей с этим интервью.*

Виктор Алексеевич, Вы окончили филологический факультет МГУ, аспирантуру Института США и Канады АН СССР, стали кандидатом исторических наук, успешно выступали в ансамбле «Трио ЛИННИК», который считается одним из основоположников русского фолк-рока.

Почему проснулось желание заниматься журналистикой?

В 9 классе школы я прочитал прозу Викентия Вересаева. В начале XX века этот писатель пользовался куда большей известностью, чем, скажем, будущий нобелевский лауреат Иван Бунин. Почему? Когда Бунин знакомился с кем-то и называл свою фамилию, ему неизменно задавали вопрос: «А чем изволите заниматься?». Это приводило Бунина в бешенство, в сердцах он бросал: «Не стоит быть на Руси писателем!». Когда же с кем-нибудь знакомился Вересаев, то всегда слышал восторженное: «Автор «Записок врача»?!». Эту его книгу знала тогда вся читающая Россия, это было сверхпопулярное чтение.



Я очень много читал с детства, во втором классе упросил отца сходить со мной в городскую библиотеку подмосковного Дмитрова, где мне выдали читательский билет. Мне интересно было писать – дневник, стихи, письма. В московской школе у нас была замечательная

словесница Ирина Григорьевна Овчинникова, которая иногда хвалила мои сочинения. Всё это вместе и сформировало идею моей будущей жизни: я решил, что она непременно будет связана со словом. Как именно, я тогда не представлял. Но прошли десятилетия, и вот, пожалуйста, – перед вами газета «Слово», которую я издаю уже 20 лет.

Первая моя попытка поступить в Московский университет на отделение русской филологии оказалась неудачной – не прошёл по конкурсу. Год работал на телестудии на Шаболовке, на пыльном складе декораций, который располагался прямо у подножия знаменитой башни Шухова. Во второй раз поступал уже на романо-германское отделение филфака, что показалось мне более интересным. Конкурс в 29 человек на место преодолел на «ура», поскольку готовился, честно говоря, как проклятый. Вставал в 6 утра и сразу садился за письменный стол, до половины девятого занимался, затем уезжал на работу. Поскольку мне ещё не было восемнадцати, то рабочий день длился всего 6 часов. В половине четвёртого приезжал домой, сорок минут отдыхал и дальше шёл на тренировку по лёгкой атлетике. После тренировки снова садился за письменный стол и так до отбоя.

Дальше жизнь стала одолевать соблазнами. После окончания университета меня пригласили сдавать экзамены в аспирантуру совершенно нового для Советского Союза Института США и Канады Академии наук. Через 3 года защитил диссертацию. При институте был журнал «США: Экономика, Политика, Идеология», в который я писал материалы по своей теме – американским выборам.

Завотделом внутренней политики там был всегда невозмутимый, доброжелательный и прекрасно одетый Борис Изаков – ветеран газеты «Правда», её первый корреспондент в Лондоне (с 1931 года). Он что-то разглядел в моих текстах и как-то произнёс: «В «Правде» ищут человека в американский отдел. Не хотите ли попробовать?». В редакции со мной очень любезно побеседовал Сергей Вишневский, известный американист, но с первого раза «не срослось». Попал я в «Правду» года четыре спустя уже по личному приглашению тогдашнего главного редактора Виктора Григорьевича Афанасьева, с которым случилось познакомиться в зарубежной поездке: я был его переводчиком.

В 1983 г. Вы были приглашены в Отдел международной информации ЦК КПСС.

Чем занимались там?

Отдел курировал работу наших СМИ по международным делам, а также готовил документы для руководства страны по внешне-политическим проблемам. В 1984 году участвовал в подготовке визита М.С. Горбачёва в Великобританию, который стал своего рода смотринами для будущего генсека на Западе. После встречи с самым молодым членом советского политбюро мадам Тэтчер сказала: «С этим человеком можно иметь дело». Эта фраза, которую расценили как большой плюс для образа СССР на Западе, стала пропуском для Горбачёва в мировую элиту. Никто и вообразить себе не мог, что, согласно некоторым позднейшим изысканиям, Тэтчер показала тогда Горбачёву немецкие документы о сотрудничестве его отца с гитлеровцами во время оккупации. Так за молчание Запада об этой сенсации была куплена удивительная покладистость нашего перестройщика в его переговорах с Западом, приведшая к краху СССР.

Хорошо помню и другое – свои ощущения, когда однажды, садясь в вечерний поезд на Киев, где жили мои родители, услышал по радио зачитанные диктором «Ответы Ю.В. Андропова на вопросы корреспондента ТАСС». Ответы эти мы писали только вчера вдвоём с заведующим отделом Леонидом Замятым в его кабинете на Старой площади. Характер у него был сложный, но в работе с ним

можно было не соглашаться, спорить, отстаивать свою точку зрения, причём иной раз достаточно жёстко, с использованием ненормативной лексики. Но это была хорошая школа. В другой раз я целую неделю работал на даче Сталина в Волинском в составе команды, которая готовила программную речь для М. Горбачёва на Верховном Совете СССР в 1986 году. Тогда она прозвенела на весь мир.

Этот отдел был пропагандистским?

В ЦК был Отдел пропаганды, который курировал наши СМИ, он был на деле пропагандистским. У нас же в большем почёте была аналитика. Мы занимались выработкой ответов на пропагандистские кампании западных СМИ против Советского Союза. Старались вырвать или нейтрализовать пропагандистское жало западного агитпропа против нас.

В 1987–1992 гг. Вы были собственным корреспондентом «Правды» в Нью-Йорке.

Не относились ли американцы к Вам с подозрением, зная о работе в Отделе международной информации?

Америке всегда хватало поводов для того, чтобы относиться к советским журналистам предвзято. Чуть ли не каждого советского журналиста, работающего за рубежом, подозревали в том, что он агент КГБ. Такое штампованное прочтение человека из СССР. Конечно, мою биографию они знали, я бывал в США не раз до того, как поехал туда работать журналистом. В своё время даже участвовал в программе «Молодые политические лидеры СССР и США», которая проводила встречи советской и американской молодёжи. Встречи эти проходили один год у нас, в Союзе, на следующий год в Соединённых Штатах. Естественно, все, кто в этой программе участвовал, были под особым вниманием американских спецслужб. Я никакой загадки для них не представлял.

Вы говорили, что «...85% всего, что я писал в годы работы в «Правде», был абсолютно мой выбор».

О чём же Вы писали? Были ли какие-нибудь особо примечательные статьи?

Надеюсь, что были, я иногда знакомился с откликами читателей на мои материалы. В 80-е годы заметной фигурой в советском руководстве был Егор Кузьмич Лигачёв, член Политбюро. Кстати, именно он рекомендовал Андропову Бориса Ельцина в качестве заведующего Отделом строительства в ЦК КПСС. Именно Лигачёв очень скоро сказал Ельцину знаменитую фразу: «Борис, ты не прав!».

Так вот Егор Кузьмич лично признавался мне: «Виктор Алексеевич, эго, может быть, звучит наивно, но медь и, когда готовился к поездке в Америку, изучал её по вашим публикациям». Было отрадно услышать, что деятельность «правдистов» замечали на самом верху.

Хорошо помню, как один автор в толстом литературном журнале процитировал мою формулу о зашкаливающей эйфории наших перестроечных СМИ по поводу Америки. Я писал о том, что наши прекраснодушные «общечеловеки» пребывают в твёрдой уверенности,

что ценой непрерывной сдачи наших позиций им удастся вырастить в лице США «вегетарианскую породу тигра».

Надежды эти были беспочвенны тогда, они остаются такими и теперь.

Но время в конце 80-х было особое, такого времени не было до той поры и, думаю, не будет после. Почему? Потому что я попал в США в разгар перестройки, в эпоху удивительную. Мы знаем, чем она, к сожалению, для нас закончилась, но советскому журналисту работать в это время

в Соединённых Штатах было очень легко.

Во-первых, к тебе был постоянный интерес американской аудитории.

Во-вторых, ты действительно был свободен в выборе тем для репортажей, очерков, аналитических материалов. Некоторые вещи впервые появлялись именно в «Правде». Например, мой рассказ о том, что такое франшиза, ныне совершенно расхожий термин

в предпринимательстве, почему она имеет экономический смысл для начинающих бизнесменов. В «Правде» появлялись мои материалы

о заказных убийствах в США, явлении совершенно неслыханном тогда для нас. Публиковали даже зарисовки о бисексуалах...

Но мне всё-таки интереснее было писать о том, как американцы работают, чем о том, как они живут. Это было поучительно.

Я описывал, например, жизнь прораба на стройке высотного дома в Нью-Йорке. Он крутился на работе как белка в колесе по 12 часов в сутки, ничего не видя и ничем не интересуясь, кроме работы, ну и футбольных матчей на выходные между нью-йоркскими «Джайентс» или «Джетс» под банку «Миллера».

Конечно, много приходилось писать о политике, что было естественно. Мир тогда сваливался в прекрасную надежду, что Горбачёв и Рейган избавят планету от ядерной угрозы. В ходу были лозунги, вроде «Войдём в третье тысячелетие без ядерного оружия». Горбачёв, казалось, всерьёз обещал: «Сделаем к 2000 году Советский Союз ведущей автомобильной державой», «Каждой семье отдельную квартиру к 2000 году» и т.д. Это было время небывалого, почти нервического воодушевления, особенно поначалу. Поэтому нашим читателями было интересно читать об Америке, а американским студентам слушать мои выступления об СССР в университетах. Я никогда не впадал в эйфорию по поводу США, потому что я видел и слабые, откровенно негативные стороны американской действительности, понимал, что Америка уважает только силу и презирает слабость.

Приехав на Родину из Америки в 1992 году, Вы обнаружили совсем другую страну.

Впервые в истории газеты состоялись альтернативные выборы главного редактора, на которых Вы одержали победу. Как считаете, почему коллеги отдали предпочтение именно Вам?

Об этом мне говорить сложно. Ситуация для «Правды» была и впрямь необычная. Выборы были непростые, кандидатов было трое: Г. Селезнёв в первом туре проиграл. В финале, когда оставались

Ильин и Линник, он предложил своим сторонникам голосовать за меня.

Вы возглавляли газету совсем недолго, в начале 1994 года были смещены с должности издателями «Правды» – семейством греческих предпринимателей Янникосов.

Из-за чего произошёл конфликт с зарубежными инвесторами?

Я не стал выполнять договорённости, которые уже были достигнуты между греками и Селезнёвым, в частности, о передаче учредительских прав на газету семейству Янникосов. После этого греки в отместку перестали платить коллективу зарплату, и моя участь была решена – я оказался не у дел. Через несколько лет греков из газеты выбросили, то есть «правдисты» сделали ровно то, что пытался сделать я. Моя попытка начать национально-освободительное движение против захвата иностранцами «Правды» потерпела неудачу. Но в итоге правдисты пошли тем же путём. Часть коллектива «Правды» перешли в газету «Слово».

На что Вы обращаете внимание как главный редактор при создании выпуска?

На то, как сделать её как можно лучше. Мы стараемся соответствовать неким неписаным этическим нормам достойной журналистики, которая уважает своего читателя, не принижает и не унижает его, старается говорить с ним, как с равным. Поэтому всё, что мы стараемся давать на наших страницах, предназначено для человека думающего, болеющего за свою страну, человека, для которого, как ни пафосно это звучит, страна представляет собой высшую ценность.

Вы и сами пишете статьи в газету...

Пишу, пожалуй, слишком много для главного редактора.

Каким был читатель Ваших публикаций вчера, и каким он представляется сегодня?

Очень хороший вопрос. Равнять читателя «Правды» советских лет

и сегодняшнего читателя «Слова» очень сложно хотя бы потому, что газета «Правда» имела тираж в 11 миллионов экземпляров, у нас он несопоставимо меньше. Но должен сказать, что мне до сих пор звонят коллеги из «Правды», седовласые ветераны журналистики, и высказывают удовлетворение отдельными публикациями газеты. К нашим подписчикам – и я гордостью назову только некоторых! – принадлежат или принадлежали такие люди, как Николай Иванович Рыжков, в прошлом председатель Совета министров СССР, народная артистка СССР, художественный руководитель МХАТ имени Горького Татьяна Васильевна Дороница, 100-летний генерал-лейтенант Михаил Тимофеевич Береговой, старший брат знаменитого космонавта, лучший Шерлок Холмс мирового кинематографа Василий Борисович Ливанов. Эти люди составляют гордость нации.

16 лет нашим бессменным экономическим и политическим обозревателем был профессор Станислав Михайлович Меньшиков. Он входил в 10-ку лучших экономистов России. Многие экономисты в его писаниях могли найти самое толковое объяснение того, что происходит с нашей экономикой.

Надеюсь, что и другие материалы наших авторов помогают читателю разобраться в хитросплетениях и интригах игры на большой шахматной доске мировой политики.

Какие изменения аудитории газет и журналов Вы видите в целом?

Тенденции ясны. Читательская аудитория стареет. Наступление Интернета, айфонов и айпадов сильно понизило интеллектуальный уровень читателя. Жажда чтения осталась в прошлом, грамотность ушла как сон, как утренний туман. Падение спроса рождает и падение предложения. Резко понизился профессиональный уровень тех, кто «делает новости». В наше время люди знали и профессию, и инструментарий гораздо лучше. Понимание проблем было на другом уровне. Тогда не было слепого копирования Запада, бездумного восторга перед всем западным. Был гораздо более взвешенный взгляд на то, что происходит у нас и у них. В этом смысле профессионализм очень заметно ушёл из профессии. Я

надеюсь, что этот провал – явление временное, связанное со сменой формаций, потерей ориентиров, крушением нашей страны.

Каким видите будущее журналистики? Есть ли шанс у печатных СМИ вернуть приоритет?

Всякий раз, когда появлялось что-то новое, утверждалось, что старое непременно отомрёт. Когда появилось кино, сказали, что театр больше не жилец; когда возникло телевидение – пропели отходную кино; когда пришёл Интернет, провозгласили, что пришёл конец бумажным СМИ. Но проходит время, и всё приходит в некое равновесие. Конечно, появление Интернета – удар по печатным средствам массовой информации. С одной стороны, это вроде бы колоссальное подспорье для тех, кто в профессии, а с другой – это печальное понижение профессионального уровня, потому что виртуальным пространством завладели люди, которые и писать-то грамотно не умеют. Этого не должно быть. Пишущий человек должен излагать свои мысли грамотно и по-русски.

Ещё студентом Вы были приглашены на телепередачу «Английский язык для вас», в которой участвовали на протяжении 11 лет. Что представлял собой проект?

Представьте себе – за граница считала нас закрытым обществом, мы никуда не ездили, ничего не знали об окружающем мире и 24 часа в сутки трепетали от ужаса перед бесчеловечной тиранией властей. А между тем разница между нами – «закрытыми» и ними – «открытыми» была разительной. И не в их пользу! Мне всегда было странно узнавать в своих первых знакомствах с молодыми сверстниками-американцами о вопиющих различиях в нашей осведомлённости друг о друге. Для нас Марк Твен, Фенимор Купер, Джек Лондон или Эрнест Хемингуэй с детства были расхожими именами, а американцы представляли неотёсанными ковбоями из пыльных прерий, как только речь заходила о русской или советской литературе. Классику они ещё кое-как узнавали по госдеповским семинарам накачкам накануне встреч, но дальше был полный провал.

Вообразить, что на американском TV, вдруг, появится, как у нас, Учебный канал, где детей будут обучать языку Толстого и Достоевского, Чехова и Бунина, невозможно в самом диковинном сне. А на Шаболовке, куда я вернулся через много лет после того, как я пришёл туда рабочим на склад декораций, существовали программы английского, немецкого, французского, испанского языков. Я не говорю уже о прекрасных программах по литературе, по естественным предметам, которые ученику помогали элементарно учиться.

Что же такое была наша передача «Английский язык для вас»? Несколько лет назад я встречаю заместителя Маргариты Симоньян (гендиректора Russia Today), и он мне говорит: «Виктор Алексеевич, а ведь я Ваши английские передачи смотрел, и мы однажды – я был в 9 классе – приходили к вам в студию на открытый урок».

Детям и взрослым было интересно. Передача была занимательной для зрителей и очень весёлой для нас. Мы ставили небольшие сценки, скучных лекций у нас не было. Каждая передача представляла собой некий отрывок из классики, из «Моей прекрасной леди» например, или из «Оливера Твиста». Всё это мы делали с любовью. У нас был режиссёр Игорь Мурский, сын знаменитой солистки Большого театра Барсовой, который священнодействовал в телестудии. Он подходил к каждой передаче так, как будто собирался ставить «Гамлета» с последующим обязательным выдвижением его на «Оскара».

Несколько слов об ансамбле «Трио ЛИННИК»?

Это больше относится к нашей семейной истории, потому что в семье все пели с детства. Обучала нас матушка. Сестра Мария и брат Дмитрий начинали с русских народных песен, затем наше трио стало петь в английском театре МГУ на филфаке.

На гастролях Росконцерта мы работали на эстраде с сегодняшними знаменитостями: Хазановым, Масляковым, Львом Лещенко, Женей Мартыновым, Валей Толкуновой. Группа «Машина времени» была нашим аккомпаниатором на третьей пластинке. Это была

интересная часть нашей жизни и биографии.

Работая в Нью-Йорке, Вы познакомились с Виктором Астафьевым. С какими ещё творческими личностями удалось завести знакомства ?

В Нью-Йорке все с нами, журналистами, хотели познакомиться. Во-первых, корреспондент «Правды» – это человек, у которого много связей среди американцев, причём в самых влиятельных кругах.

Во-вторых, всем надо добраться до аэропорта, всем надо, чтобы их встретили в аэропорту, всем надо походить по барахолкам и магазинам, чтобы купить видеотехнику или что-то ещё. Ну, как обойтись без корреспондента с машиной?

С Виктором Петровичем я встретился на одном большом семинаре, который устраивали в Питсбурге (Пенсильвания), куда американцы табунами приглашали наших соотечественников. Они всё время выпытывали, серьёзны ли наши намерения в перестройке. Поначалу терзались сомнениями: нет ли здесь коммунистической ловушки, заговора, попытки усыпить американскую бдительность.

Астафьев был в высшей степени обаятельный человек, с ним можно было легко сойтись и так же легко разругаться. Очень эмоциональный, он резал правду-матку в лицо. Человек редкой притягательности и великого таланта, один из крупнейших писателей XX века на русском языке.

В Нью-Йорке я подружился с Михаилом Шемякиным, после возвращения в Россию мне посчастливилось близко сойтись с Валентином Распутиным, Василием Ливановым, Саввой Ямщиковым, Олегом Михайловым, Владимиром Личутиным, Владимиром Крупиним.

Что же касается моих «симпатий» к диссидентам, то диссидентами у нас называли разных людей. Разница была в том, что одни диссиденты хотели уничтожения страны, а другие – её улучшения. Я общался со вторыми.



Беседовал Антон Цезарев

2 – 15 ноября 2018 г.